

9

2008

МИВА

Беседа с генералом армии С. Нурмагамбетовым
“Мы верили в тебя, солдат 41-го, верим в тебя, сарбаз”

С. Кулакова. В плену у жизни (продолжение романа)

Н. Верёвочкин. Легенда о слепом лосе (повесть)

Г. Бельгер. Плетенье чепухи (продолжение)

Б.Канарьянов. Юсуф Баласагуни и его город

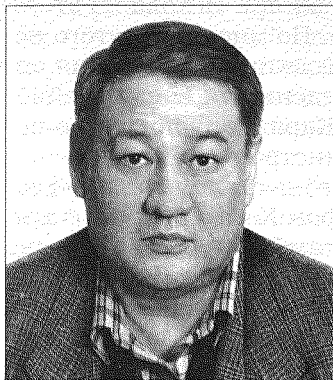
П. Жуковский. Собаки на сене

Р. Тулебаев. Мои учителя

Дополнительный урок

Бахытжан КАНАПЬЯНОВ

Юсуф Баласагуни и его город

*Познањям учись, и познаешь почёт,
Познањя — твердыня и силы оплот.
Без знаний бесплодны и разум, и речь,
А зная — что влага живительных вод,
Кичащийся знаньем от знаний далёк,
Признайся в незнаньи — достигнешь высот.*

Юсуф Баласагуни

“Влага живительных вод” легендарной реки Чу и её притоков Аксу, Карабалта, Шаргау и Токташ испокон веков несла не только благодатную прохладу окружающему оазису, но и великую тайну об исчезнувшем городе в песках Чуйской долины.

В трудах раннесредневековых тюркских, арабских, китайских и европейских авторов город Баласагун широко освещался как крупный политический, экономический и культурный центр тюркского мира. Он был главной столицей Тургешского, Карлукского, Караханидского, Кара-кытайского (Каракиданского) государств в V—XIII вв. Однако город Баласагун был разрушен в результате бесконечных междоусобных феодальных войн, имевших место в раннем средневековье в Западном Тюркском каганате, особенно при Караханидах и Каракитаях. А в первой четверти XIV в. название его уже кануло в Лету. Город оставался разрушенным. По приходу монголов в 1218 году он сдался без сопротивления. Таким образом, город никем не восстанавливался и постепенно превратился в археологический объект. В результате местонахождение и прежнее название его было забыто.

Город Баласагун был одним из самых больших городов, крупным торгово-ремесленным центром государства Караханидов. Это государство представляло собой в этнографическом плане объединение ряда тюркских племён, возвысившихся в X—XII веках, и просуществовало в течение нескольких столетий. Специфическое соединение кочевого и оседлого хозяйства стало социально-экономической основой данного каганата. В этой среде рос и воспитывался автор великой поэмы “Кутадгу билиг” Юсуф Баласагуни. Он был выходцем из определённой культурной среды и политического региона, охватывающего Отрар (Фараб), Шаш (Ташкент), Тараз, Чуйскую долину, Прииссыккулье, Фергану, Кашгари. В культурноязыковом отношении Юсуф Баласагуни является общим предком тюркоязычных народов, а в географическом — близок и к казахам, и к киргизам.

Образование Юсуф Баласагуни получил в признанных культурных центрах того времени — Фарабе, Кашгаре, Бухаре. В совершенстве владея арабским и персидским языками, он проработал философские и научные сочинения по различным отраслям знания. Светские люди того времени отличались многосторонностью интересов, увлекаясь наряду с философией и наукой, поэзией и политикой, игрой в шахматы. Широкообразованный, умудрённый жизненным опытом, он прибыл в Кашгар и здесь

в течение восемнадцати месяцев напряжённой работы написал большое поэтическое произведение. По сведениям турецкого философа Р. Р. Арата, автору к моменту завершения поэмы было около 54 лет. Исходя из этого, Юсуф Баласагуни родился в 1015-1016 годах н. э. По мнению другого исследователя тюркоязычной поэзии А. Дильачара, дата его рождения определяется 1018 годом. Своё знаменитое произведение он посвятил Табгач-Богра-Кара-Хакан-Али Хасану из династии Караханидов, за что поэту было пожаловано звание хасс-хаджиб — “министр двора”.

Поэма “Кутадгу билиг” — “Благодатное знание” — стала известной западному миру через австрийского востоковеда фон Хаммер-Пургштала, которому данная рукопись попала в 1796 году в Стамбуле и была подарена им Венской библиотеке. Первое издание на немецком языке было осуществлено известным востоковедом Г. Вамбери. В научный оборот текст поэмы был введён в полном объёме В. В. Радловым в 1891-1900 годах, представившем наряду с оригиналом перевод его на немецкий язык. На русский язык отрывки из поэмы впервые перевёл С. Е. Малов. Вольный перевод под названием “Наука быть счастливым” был осуществлён Н. Гребневым в 1971 году. Р. Р. Арат провёл большую работу по критическому осмыслению текстов всех трёх рукописей (Венской, Каирской, Наманганской) и представил в 1947 году научно достоверный свод поэмы. Под названием “Благодатное знание” полный текст “Кутадгу билиг” перевёл на русский язык С. Н. Иванов (М., 1983). В 1986 году известный казахский поэт и учёный Аскар Егеубаев представил сочинения Юсуфа Баласагуни на казахском языке.

Одна из первых попыток рассмотреть творчество Баласагуни в контексте обширного культурного региона, связанного первоначально с образованием халифата, принадлежит немецкому учёному Отто Альбертсу. Он выдвинул концепцию о наличии преемственной связи между учением Ибн-Сины, в частности, его этикой и аналогичными взглядами Юсуфа Баласагуни. Более того, О. Альбертс предпринял попытку сопоставить этические взгляды Аристотеля и Юсуфа Баласагуни.

Исследование творчества Баласагуни, эпохи создания его произведения было успешно продолжено выдающимися русскими востоковедами В. В. Бартольдом и С. Е. Маловым, известными советскими историками и литературоведами Е. Э. Бертельсом, А. Н. Самойловичем, А. Н. Коновым и другими.

Современная наука таким образом располагает определённым объёмом исследований по творчеству Баласагуни. Однако следует отметить, что научный интерес к произведению мыслителя проявлялся преимущественно в историко-филологическом плане, хотя подчёркивалось, что “значение этого памятника в лингвистическом, литературоведческом, историческом и культурно-историческом отношении весьма велико, а потому крайне необходимо обеспечить расширение масштабов и углубления его исследования”¹.

“Кутадгу билиг” Юсуфа Баласагуни, — утверждает профессор Агын Хайруллоевич Касымжанов, — является первым энциклопедическим произведением не на официальном литературном языке, каким являлся арабский язык в то время, а на родном языке тюрков. Факт сам по себе очень значительный, что свидетельствует о патриотизме и любви к родному языку. Вместе с этим, им руководили политические мотивы, стремление научить среднеазиатскую династию Караханидов, ещё не оторвавшуюся от кочевой среды, управлять страной с высокоразвитыми оседлыми районами.

областями (Маверанахр, Восточный Туркестан). А чтобы его назидания были поняты и кочевниками-караханидами, необходимо было написать по-тюркски. Но “Кутадгу билиг” не только политический трактат, он является суммой знаний по различным областям науки и культуры своей эпохи, в нём собран и обобщён материал с философским осмыслением жизненных позиций самого автора, в частности, рассмотрены мировоззренческие проблемы смысла жизни, предназначения человека, его места и роли в общественном и природном универсуме. В целом произведение Баласагуни представляет обширную систему, в которой выдвигаются как проблемы общефилософского характера, так и жизненно-практического, этнического и эстетического плана. Стремление к энциклопедичности, универсальности, охвату общемировоззренческих проблем было присуще самому характеру философствования в культурном плане региона, к которому принадлежал Юсуф Баласагуни. Мировоззрение Юсуфа Баласагуни имеет троякие корни — философские, шаманистские, исламские”².

Далее учёный и патриот А. Х. Касымжанов утверждает, что Юсуф Баласагуни вписывается в общий процесс Ренессанса и на Востоке, в частности совершенно явственны в его творчестве отпечатки философии восточного перипатетизма. Речь идёт о мощной культурно-философской традиции, идущей от Аристотеля и продолженной аль-Фараби и Ибн-Синой. Её влияние на автора “Кутадгу билиг” впервые отметил, как сказано выше, немецкий востоковед О. Альбертс. Идеи парадигма восточного средневековья не исчерпывается только мыслительной деятельностью профессиональных философов. Она также представлена промежуточным “непрофессиональным” философским творчеством таких поэтов как Рудаки, Фирдоуси, Юсуф Баласагуни, Омар Хайям, Низами, Навои, Насими. Но способ существования поэзии этого времени имеет характерные особенности и черты: с одной стороны, в творчестве поэтов преобладает ярко выраженный рационализм художественного мышления, с другой — рационализм, облечённый в символические покровы суфизма. Усложнение поэтических форм, образов, приёмов не меняло основного содержания поэзии, направленной на жизненные реалии, поиска реализации гуманистических принципов истины, добра, счастья. В сущности, поэзия средневековья занималась разработкой самых общемировоззренческих, нравственных и социальных проблем, что и философия. И многие поэтические произведения можно отнести к произведению философского жанра и в силу этого они могут и должны быть включены в процесс историко-философского развития.

“Литература и поэзия вместе с философией выполняли определённые мировоззренческо-ценностные функции. Выражение философии через поэзию была древней и наиболее живучей традицией идеологического развития. Крупнейших поэтов средневекового Востока можно смело отнести к представителям философской мысли, а не рассматривать их как чистых литераторов”³.

Научно-философским пластом, определяющим мировоззрение Юсуфа Баласагуни, по утверждению А. Х. Касымжанова, являются разнородные доисламские верования — зороастризм, манихейство, буддизм, христианство, распространённые среди кочевых и оседлых народов до проникновения ислама. Среди этих верований наиболее сильным источником, пробивающимся в контексте “Кутадгу билиг”, являются языческие, шаманистские представления.

Шаманистские, собственно тюркские истоки творчества Юсуфа Баласагуни позволяют вскрыть древний доисламский зороастрийский или тенгрианский, по имени главного божества, мировоззренческий пласт верований, который, несмотря на исламские, царские, советские гонения, ещё жив в языке и сознании казахов. Есть смысл в период потери основополагающих ценностей и эйфории по поводу возрождения ислама и, к сожалению, других конфессий, насаждаемых миссионерами, почувствовавшими духовный вакуум, восстановить великое историческое прошлое, в котором народ самостоятельно выработал ценности гордого самодовольствия. Интересно, что и в “Благодатном знании” Юсуфа Баласагуни, и в “Диван Лугат-ат-Тюрк” Махмуда аль Кашгари есть единое, бессмертное тюркское начало, которое вбирает “принципы благой мысли, благого слова, благого дела, почитания огня, вера в аруахов, культ неба (тәнір) как высшего божества”.

В статье “Три советника”⁴ Мурат Ауэзов подчёркивает доминирующую роль Махмуда аль Кашгари и Юсуфа Баласагуни в святом деле возрождения тюркского литературного языка:

“Работу над поэмой “Благодатное знание”, состоящей из 6520 бейтов (двустихий), Юсуф Баласагуни завершил в 1069 году, по истечении всемнадцати месяцев со времени её начала. Как и Алишер Навои, он подчёркивает стремительность, с которой складывались в текст его слова, и так же, как поэт XV века, горделиво заявляет о своём приоритете в извлечении из литературного небытия родного языка:

*Паслось слово тюрков оленем нагорным,
А я приручил его, сделал покорным.
Я ласков к нему был — оно покорялось,
Но было пугливым ещё и задорным.
Но я неустанно обхаживал слово,
И мускус дождил ветерком животворным.*

Владея, по свидетельству А. Н. Кононова, “всеми тонкостями арабской и персидской поэзии”, он глубоко освоил тюркский фольклор, о чём свидетельствуют и его собственные многократные ссылки на “тюркские присловия”, и созвучие ряда мест его текста с образцами тюркского художественного слова, собранными его современником, выдающимся филологом Махмудом аль-Кашгари”.

Исходя из точки отсчёта середины XI века, когда были созданы “Благодатное знание” и “Диван Лугат-ат-Тюрк”, автор статьи проецирует векторы восприятия литературы тюрков, с одной стороны, в глубь веков, к клинописи Тонъюкука, а с другой — с перспективой понимания творческой позиции Алишера Навои:

“Алишер Навои, с несомненным на то основанием, считал, что выполнил стоявшую перед ним грандиозную задачу:

*Пусть Низами победоносный ум
Завоевал Берда, Гянджу и Рум;
Пускай такой язык Хосрову дан,
Что он завоевал весь Индустан;
Пускай на весь Иран поёт Джами,
Но тюрки всех племён, любой страны,
Все тюрки мной одним покорены!*

Великий поэт, творчеством которого триумфально увенчался выход тюркской литературы из её персоязычного “инобытия”, имел полное право на подобную самооценку”.

Учёный и культуролог Мурат Ауэзов отмечает:

“Образцы тюркской поэзии, собранные аль-Кашгари, свидетельствуют о том, что Юсуф Баласагуни не был одинок в своём умонастроении. В них широко представлен арсенал средств суфийского противостояния обстоятельствам, даны описания героических сражений предков, явлен многообразный мир, освоенный самыми разными — от бытовых до любовной лирики — жанрами тюркского художественного слова. Письменная тюркоязычная поэзия XI века вызвана к жизни ситуацией, требовавшей деяний патриотического толка, с опорой на народ, его язык и его историческую память. И это, разумеется, другой тип выхода из “инобытия”, чем тот, который мы видим в XV веке. Эпоха Юсуфа и Махмуда, осуществившая преемственную связь с предшествующей культурой, в частности с поэзией времён каганата (VI—VIII вв.), выводит нас к тюркским письменным памятникам, высеченным в камне. Нас, естественно, прежде всего интересует личность Тонъюкука, человека, получившего “табгачское” воспитание, но свои силы и талант отдавшего “тюркскому элю”.

Творения Юсуфа Баласагуни дают возможность судить о связях конгломерата тюркских народов с так называемой арабоязычной культурой, о внесении им, как прежде аль-Фараби, Ибн-Синою и другими мыслителями, позитивного вклада в мировую культуру.

Влияние творений Юсуфа Баласагуни, например, на Омара Хайяма (1048 — 1131 гг.) или на более позднего, нашего Асан Кайгы, а также поэтическая традиция и мотивы сожаления о прожитом, идущие от ранних Фирдоуси и Рудаки к автору “Благодатного знания”, поэту-мудрецу многих тюркских народов, прослеживается и подкрепляется следующими строками:

— Что жизнь и что смерть, если вдуматься строго. Откуда иду я, куда мне дорога? Зачем я рождён, если смерть мне дана? Зачем я был весел? — мне скорбь суждена! Что в мире страшнее, чем жизни кончина? Но все, кто рождён, умирают едино.

— Книга жизни моей перелистана — жаль! От весны, от веселья осталась печаль. Юность — птица: не помню, когда прилетела и когда унеслась, легкокрылая, вдаль.

— Были бы добрые в силе, а злые слабы — мы б от тяжких раздумий не хмурили лбы! Если б в мире законом была справедливость — не роптали бы мы на превратность судьбы.

— Я речь предназначаю не для всех: нет у меня советов для невежд. Что толку говорить с глухой толпой, ведь всё равно не переучишь всех. Я лишь к разумному с надеждой обращаюсь, что будет слушать, суть понять пытаюсь. К нему, с моей я обращаюсь речью, чтоб пользы из него сумел извлечь он. Все добрые дела, все в мире блага произошли от ясного ума. Незнания дух и нездоровье наше излечивают мудрые слова. И потому прислушивайся к мудрым, и будет к небесам твой путь открыт. От человека человек отличен мерой, знай, эта мера — разум и язык. Мудрец без языка подобен морю, где жемчуг знания под водой лежит. Благодаря словам в своём величье, подобен небу может стать он вмиг. Жемчужина на дне — прекрасный камень, но ничего не значит для людей. Так золото лишь найденное станет достойным украшения царей. Мудрец, не будь безмолвным — жемчуг слова вынь из глубин души своей скорей”.

II

В XIX веке некоторые востоковеды, узнав о существовании исторического Баласагуна, пытались локализовать этот древний город. В частности, академик В. В. Бартольд писал: “Баласагун — город в Средней Азии, местонахождение которого не удаётся точно установить”⁵.

Этой проблемой занимались и советские востоковеды. Изучая в 50-е годы XX в. средневековые города Чуйской и Таласской долины, А. Н. Бернштам отождествлял Баласагун с городом Акбешимом, расположенным около Токмака в Киргизстане. Такого же мнения вначале придерживался и Л. Р. Кызласов, в течение нескольких лет занимавшийся раскопками в этом городе. Но впоследствии он отказался от своей первоначальной гипотезы. По его мнению, Акбешим прекратил существование в X в. Опираясь на результаты археологических исследований, проводившихся в городах Акбешим и Бурана, он сделал следующий вывод: “Исторический Баласагун — блестящая столица Караханидов XI-XII вв., город, просуществовавший согласно письменным источникам, вплоть до XIV века — надо искать в другом месте. Таким образом, ни городище Акбешим, ни городище Бурана не могут связываться с историческим Баласагуном. Их забытые имена ещё предстоит установить историкам Киргизии”⁶.

Итак, проблема локализации Баласагуна всё ещё оставалась открытой.

В 1974 году археологи Казахского национального университета имени аль-Фараби начали раскопки на месте средневекового городища Актобе, расположенного на левом берегу реки Чу в благодатной местности в низовьях четырёх рек: Аксу, Карабалта, Шаргау и Токташ, которые вливаются в реку Чу. Было однозначно известно, что Актобе является остатком большого средневекового города. В 1980 году была проведена аэрофотосъёмка памятника, давшая чёткое определение территории Актобе. Археологический памятник занимает общую площадь 150 тысяч гектаров, из них центральная часть 70 кв. км.

Как видно по занимаемой территории, Актобе был весьма большим городом, расположенным на северной ветви Шёлкового пути. На основе аэрофотосъёмки составлена карта городища, на которой прослеживаются остатки многочисленных городских построек, оборонительных сооружений, оросительных систем, водосборных отстойников, сторожевых башен, кварталов, приусадебных участков. Общая протяжённость линий оборонительных валов в пределах отснятой площади составляет 52 км. Площадь орошаемого земледелия в пределах аэрофотосъёмки составляет 2000 гектаров.

Городище Актобе состоит из цитадели, шахристана и рабада. В этих частях в 1974–2005 гг. проводились археологические раскопки и был накоплен богатый исторический материал, который позволяет говорить о том, что средневековый город Актобе пережил два этапа: V-VIII и IX-XIII вв. Эти хронологические данные соответствуют периоду функционирования исторического Баласагуна. Следует подчеркнуть, что караханидские материалы находятся на верхнем слое памятника.

Более чем 30-летняя работа на Актобе дала очень богатый, разнообразный материал, характеризующий жизнь и деятельность города Баласагун.

Другим веским доводом в пользу версии расположения Баласагуна в этой местности являются топонимические данные из словаря “Диван Лугат-ат-Тюрк” Махмуда Кашгари. В нём перечисляются важнейшие известные местности, находящиеся вокруг Баласагуна. Это: Баласагунские горы (Аулие-тау), Бакырлыгтау и Юн-Арык (Жон арык). Эти местности вокруг города Актобе (Баласагун) были обнаружены и изучены археологической экспедицией во главе с известным учёным, археологом-этнологом Уахитом Хамзиновичем Шалекеновым.

III

Издательство “Жибек жолы” имело честь издать двумя тиражами уникальный труд профессора У. Х. Шалекенова “V-XIII гасырлардагы Баласагун каласы”⁷ (“Город Баласагун в V-XIII веках”). Первое издание было осуществлено в 2006 году пробным тиражом 500 экземпляров на средства спонсоров (О. Смагулулы, Б. Шалекенов, Е. Канапьянов), благодаря изданию данная монография была включена в Государственную программу “Культурное наследие” и издана тиражом 2000 экземпляров для пополнения сети библиотек Казахстана.

Работая над выходом этой книги, которая является, на мой взгляд, главной книгой жизни известного учёного и патриота суверенного Казахстана Уахита Хамзиновича Шалекенова, я не раз вспоминал годы своей юности, когда в середине семидесятых годов прошлого столетия часто бывал на раскопках городища Актобе. За тридцать лет существования этих археологических раскопок в них приняла самое существенное участие целая плеяда археологов Казахстана, включая патриарха казахской археологии Алькея Хакановича Маргулана.

Версия о возможном месторасположении города Баласагун в Актобе впервые была опубликована и озвучена народным писателем Казахстана Шерханом Муртазой. Им же, спустя тридцать лет, был поставлен вопрос о включении результатов данных раскопок в Государственную программу “Культурное наследие”.

Зачастую научные открытия, в данном случае археологические, берут свой отсчёт от найденной при раскопках одной древней монеты, с выбитым на ней профилем правителя или же названия города, где она была отчеканена. Это только начало, влекущее за собой многолетний научный труд и поиск последующих доказательств.

Результатом такого многолетнего научного поиска и является книга У. Х. Шалекенова “V-XIII гасырлардагы Баласагун каласы”, где по литературным, археологическим и этнографическим данным исторический средневековый город Баласагун локализуется на месте городища Актобе.

¹ Кононов А. Н. Слово о Юсуфе Баласагуни и его поэме “Кутадгу билиг” — Советская тюркология, — 1970, № 4, с 12.

² Касымжанов А. Х. Портреты. Алматы, 1995. С. 30.

³ Касымжанов А. Х. Портреты. Алматы, 1995. С. 31.

⁴ Ауэзов М. М. Три советника // В кн. Орхонские надписи. Кюль-Тегин. Бильге-Каган. Тонъюкук // Семей: Международный клуб Абая. 2001. С. 221.

⁵ Баласагун // Соч. Т. 3. М., 1965. С. 357.

⁶ Археологические исследования на городище Ак-Бешим в 1953-1954 гг. // Труды Киргизской археолого-этнографической экспедиции. Т. II. М. — Л. 1959. С. 236.

⁷ Шалекенов У. Х. V-XIII гасырлардагы Баласагун каласы. Алматы: Жибек жолы, 2007.